DOI 10.24249/2309-9917-2026-79-5-96-102

С.С. Любимова (Москва, Россия)

Пряхи мира: к вопросу о родовом статусе женщины в поэме «Беовульф»

Аннотация: В данной статье на основе рассмотрения основных древнегерманских способов обозначения родственных отношений (терминов родства, личных имен и патронимических обозначений) на древнеанглийском материале (поэма «Беовульф») исследуется родовой статус германской женщины в период Великого переселения народов (IV–VII вв.). Результаты исследования демонстрируют патриархальность древнегерманского рода, в котором женщина, предстающая пряхой мира, сплетающей нить, соединяющую род ее отца с родом ее мужа, определяется по мужчинам: отцам, мужьям, сыновьям. Родство по матери, юридически второстепенное, тем не менее обладает особой значимостью, о которой свидетельствуют некоторые пережитки матриархата (например, авункулат и наречение ребенка по матери), выраженные в «Беовульфе», однако, не столь явно, как в памятниках древнесеверной литературы.

Ключевые слова: женщина, пряха мира, патриархальный род, термины родства, имянаречение, патроним, матроним

S.S. Liubimova (Moscow, Russia)

Peace-weavers: on the Question of the Woman Kinship Status in “Beowulf”

Abstract: The article examines the primary Old Germanic ways of indicating kinship (kinship terms, first names and patronyms) in the Old English poem “Beowulf” to study the kinship status of Germanic women during the Great Migration Period (4th–7th centuries). The results of the research demonstrate the patriarchal nature of the Old Germanic family, in which a woman, a peace-weaver spinning the thread connecting her father’s relatives with her husband’s, is identified by men: father, husband, son. Maternal kinship, although secondary in terms of inheritance, is nevertheless particularly significant, as is evidenced by some relics of matriarchy (e. g. the avunculate or naming a child after the mother) yet expressed in “Beowulf” less explicitly than in Old Scandinavian literature.

Key words: woman, peace-weaver, patriarchal family, kinship terms, name-giving, patronym, matronym

Поэма «Беовульф», записанная на древнеанглийском языке и несущая на себе отпечаток англосаксонской и христианской культуры, тем не менее является сокровищницей сведений преимущественно о континентальном, языческом периоде истории

древних германцев (в частности, скандинавов и ингвеонов), повествуя о событиях, произошедших до переселения англов, саксов и ютов на Британские острова. В связи с этим родовой статус женщины, отраженный в «Беовульфе», имеет *общегерманский* характер. Его исследование на материале поэмы, впрочем, несколько ограничено. Во-первых, количество женщин, фигурирующих в тексте, хотя и недооцененное многими исследователями, значительно уступает количеству мужских персонажей. Во-вторых, героини поэмы наделены высоким социальным статусом, что исключает из обзора положение простых женщин. Таким образом, для большей убедительности выводов в работе привлекаются другие древнегерманские памятники.

Германисты, исследующие *социальный статус* женщины на древнеанглийском материале[1], традиционно обозначают ее композитом с яркой метафоричностью − freoðuwebbe ‘пряха мира’, встречающемся в дошедших до нас древнеанглийских текстах лишь дважды – в «Беовульфе» и «Видсиде»[2]. В данной работе композит freoðuwebbe, как кажется, впервые употреблен для указания на *родовой* статус женщины, варианты которого могут быть представлены в виде бинарной оппозиции: женщина *своего рода* (*дочь, сестра*) и женщина *чужого рода* (*жен*а). Такое разделение мотивируется, в частности, данными древнеанглийских правовых памятников, сохраняющих за женщиной статус, приобретенный при рождении в отцовской семье, даже после ее вступления в брак через обмен клятвами [Loyn 1974: 206]. Замужняя женщина, следовательно, выполняет роль связующего звена между двумя родами, прядет мир между ними. Эта посредническая позиция обуславливает особый статус *матери*, которая биологически является близкой родственницей, но юридически принадлежит к чужому роду, так как дети наследуют отцу[3]. Таким образом, родовой статус женщины в каждой конкретной ситуации определяется ее отношением к отцу, мужу или детям, выражающемся у древних германцев тремя основными способами (терминами родства, личными именами и патронимическими обозначениями), к рассмотрению которых в поэме «Беовульф» мы переходим.

ТЕРМИНЫ РОДСТВА

Количество терминов для женщин-родственниц в древнеанглийском языке поистине велико: ealdmōdor ‘бабушка’, mōdor ‘мать’, dōhtor ‘дочь’, nift ‘внучка’, ‘племянница (дочь сестры)’, sweostor ‘сестра’, mōdrige ‘сестра матери’, ‘дочь сестры матери’, faþu ‘сестра отца’, wīf / cwēn ‘жена’, sweger ‘свекровь’, ‘теща’, weresswestor ‘золовка’, snoru ‘сноха’ и др. В «Беовульфе» из всего этого многообразия можно найти лишь четыре термина, которые хорошо отражают разделение на женщин своего рода (dōhtor), женщин чужого рода (cwēn, wīf) и матерей (mōdor). Кроме того, некоторые сведения по вопросу можно почерпнуть из контекстов, в которых упоминаются термины, обозначающие мужчин, родственников женщины, а именно: brōþor ‘брат’, sunu ‘сын’, ēam ‘дядя по матери’ и nefa ‘племянник (сын сестры)’. Так, в Финнсбургском эпизоде (1068−1159 стихи поэ-

[1] Например: *Sklute L.M*. ‘Freoðuwebbe’ in Old English Poetry // Neuphilologische Mitteilungen. 1970. Vol. 71. №4. P. 534–541; *Jamison C.P* Traffic of Women in Germanic Literature: the Role of the Peace Pledge in Marital Exchanges // Women in German Yearbook. 2004. Vol. 20. P. 13–36; *Cavell M.* Formulaic Friþuwebban: Reexamining Peace-Weaving in the Light of Old English Poetics // The Journal of English and Germanic Philology. 2015. Vol. 114. №3. P. 355−372.

[2] В поэме «Елена» IX в. встречается также вариант мужского рода для обозначения ангела: friðowebba.

[3] Отношения детей, являющихся представителями отцовского рода, с родичами по матери призваны усилить связь между родами, установленную их матерью, и, поскольку эти отношения не омрачены враждой за наследство (в противоположность отношениям с родичами по отцу), они чаще всего характеризуются предельной близостью.

мы) королева Хильдебург приказывает возложить тела ее брата и сына вместе на погребальный костер, демонстрируя близость дяди и племянника как ее кровных родичей.

Рассмотрим подробнее использование терминов dōhtor, cwēn, wīf и mōdor в «Беовульфе». Термин *dōhtor* встречается преимущественно в контекстах, связанных с заключением брака, в которых дочь функционирует как ценный дар, что соответствует древней форме брака у индоевропейцев – обмену женщинами между родами или племенами [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 755−756]:

Wæs his ealdfæder Ecgþēo hāten, ðǣm tō hām forgeaf Hrēþel Gēata āngan **dō**htor. [Beo. 373−375] ‘Его предок Эггтеов звался, которому в дом отдал Хредель Гаутский единственную дочь’[1].

Iofore forgeaf [Hygelāc] āngan **dōhtor**, hāmweorðunge, hyldo tō wedde. [Beo. 2997−2998] ‘Эовору отдал [Хигелак] единственную дочь, дома честь, милости в залог’.

Ил. 1. Плач Хильдебург

В другом контексте датская принцесса Фреавару, «дочь Хродгара», описана как невеста Ингельда, сына вождя хадобардов [Beo. 2020–2025]. Причем она является пряхой мира не только в родовом, но и в традиционном социальном отношении: ее брак призван урегулировать древний конфликт между данами и хадобардами. Однако некоторые намеки в поэме заставляют предположить, что он окажется неудачным и не пресечет вражду, как и брак уже упоминавшейся датчанки Хильдебург, «дочери Хока», с фризским королем Финном, который не предотвратил кровавую стычку между данами и фризами, приведшую к гибели брата, сына, а позднее и мужа героини[2].

Приведенные брачные контексты позволяют плавно перейти к рассмотрению терминов для обозначения жены (*cwēn, wīf*), которые, как и термины для обозначения мужа, имеют первичную семантику половой принадлежности и лишь со временем развивают другие значения. Так, термин cwēn может означать: ‘женщина’, ‘супруга’, ‘королева’. Не вызывает удивления, что в поэме «Беовульф», героини которой наделены высоким социальным статусом, он чаще используется в последнем значении (для указания на Трюд и Вальхтеов) или совмещает значения ‘королева’ и ‘жена’ (как правило, в позиции рядом с именем мужа; для указания на Вальхтеов, Хильдебург и безымянную жену Онелы):

Ēode Wealhþēow forð, **cwēn** Hrōðgāres, cynna gemyndig, grētte goldhroden guman on healle. [Beo. 612–614] ‘Шла Вальхтеов вперед, королева / жена Хродгара, роды помнящая, приветствовала украшенная золотом воина в зале’.

[1] Здесь и далее перевод автора. Иллюстрации: Ганзенко И.

[2] Неудачная попытка достичь перемирия через межплеменной союз, по-видимому, описана и в древнеанглийской элегии «Плач жены» X в., героиня которой последовала за мужем в чужие земли и, когда тот уплыл за море (то ли избегая наказания за убийство обидчика, причем, возможно, родственника жены, то ли с целью отомстить ему), не смогла, как должно, отправиться вслед за ним из-за козней его родичей и оказалась в земляной темнице.

Ил. 2. Вальхтеов приветствует Беовульфа

Термин wīf тоже имеет значения ‘женщина’ и ‘супруга’, но, в противоположность термину cwēn, используется в «Беовульфе» исключительно для обозначения представительниц женского пола. Лишь в композите wīflufu ‘любовь к жене’ можно обнаружить интересующее нас значение ‘супруга’:

> Syððan Ingelde weallað wælnīðas, and him **wīf**lufan æfter cearwælmum cōlran weorðað. [Beo. 2064–2066] ‘С тех пор в Ингельде вскипит смертельная вражда, и его к жене любовь после горя волн холоднее станет’.

Термин *mōdor* в «Беовульфе» обозначает мать Гренделя во всех контекстах кроме одного (см. раздел «патронимические обозначения»). В связи с матерью Гренделя важно то, что она мстит за сына при вероятном наличии у него других родичей (см. стихи 2351–2354). Поскольку акт мщения у древних германцев считался делом ближайших родственников, поведение матери Гренделя свидетельствует о ее предельной близости к сыну. Однако это поведение также вызывает недоумение у исследователей, так как собственноручная месть матери за сына в германской традиции беспрецедентна: как правило, матери требовали отмщения за детей на тинге. Впрочем, скандинавские женщины могли быть непосредственными мстительницами за братьев, т. е. абсолютно идентичных по крови родичей, произошедших от тех же отца и матери (Гудрун в «Старшей Эдде», Тордис в «Саге о Гисли»), и допустить такую месть на более низкой ступени родства (дети близки матери по крови лишь наполовину) представляется вполне возможным.

Ил. 3. Бой с матерью Гренделя

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Германцы практиковали три основных принципа имянаречения: аллитерацию, вариативность и повторение. *Аллитерирующие* имена родственников начинаются с одного и того же звука (Hengest♂ – Horsa♂; Eadbeald♂ – Eanswið♀). При *вариативности* родство выражается в сходстве одной из тем имени. Выделяются различные ее виды: начальная (неаллитеративная) (Guðlāf♂ – Ōslāf♂; Seaxburh♀ – Wihtburh♀); конечная (аллитеративная) (Wulfhere♂ – Wulfhad♂; Æðelbeorg♀ – Æðelþryð♀); перестановка тем (Beorht*wulf*♂ – *Wulf*beorht♂); добавление или сокращение второй темы (Ælfweald♂ – Ælf♂); составление имени ребенка из тем, содержащихся в именах его отца и матери (Æðelstan♂ + *Wul*fgifu♀ = *Wulf*stan♂; Hereric♂ + Beorht*swi*ð♀ = Here*swi*ð♀). Принцип же *повторения* заключается в назывании ребенка полным именем его родича без каких-либо изменений (Æðelbert I♂ – Æðelbert II♂; Eadgifu♀ – Eadgifu♀).

Еще в начале XX в. в германистике бытовало мнение, что выражение родства в женских именах в отличие от мужских носит произвольный характер. Это не удивительно, если принять во внимание малочисленность женских имен в хрониках и поэтических памятниках, равно как и частое отсутствие сведений о кровных родственниках их носительниц[1]. Однако приведенные выше подлинные серии древнеанглийских имен свидетельствуют о том, что женские имена выражают родство не менее регулярно, чем мужские. Это подтверждают и результаты исследования английских королевских генеалогий периода Гептархии с точки зрения влияния имен *отцов* на имена их детей (наисильнейшего в патриархальном типе семьи), проведенного Генри Вулфом в 1930-х гг. Так, в Восточной Англии аллитерацией с именем отца связаны имена 9 из 12 мужчин и 4 из 7 женщин, в Кенте − 10 из 16 мужчин и 8 из 9 женщин, в Мерсии − 17 из 33 мужчин и 10 из 15 женщин, в Уэссексе − 66 из 74 мужчин и 18 из 20 женщин, в Берниции − 36 из 42 мужчин и все 4 имени женщин, в Дейре − 9 из 10 мужских и все 5 женских имен. Можно встретить 1 вариативность «отец − сын» в Восточной Англии, 2 − в Кенте, 6 − в Мерсии, 24 − в Уэссексе, 9 − в Берниции и 3 − в Дейре. Вариативность «отец − дочь» обнаруживается 2 раза в Кенте, 2 раза в Нортумбрии, 9 раз в Уэссексе и 1 раз в Дейре [Woolf 1938: 115−119].

Имена *матерей* также играли немаловажную роль при наречении ребенка. Например, имена уже упомянутых епископа Вульфстана Вустерского и принцессы Хересвиды содержат темы материнских имен, а дочь Эдуарда I Эдгива была названа именем ее матери. Кроме того, известны случаи, когда дети получали имя в соответствии с традицией материнского рода. Так, сестру Кнута Свейнссона Могучего, короля Дании и Англии начала XI в., чья мать была славянкой, звали Святославой, что подчеркивало ее принадлежность к знатному славянскому роду и незначительность ее прав на датский престол [Успенский 2002: 28]. Таким образом, объяснение случаев, когда имя отпрыска не связано с остальными именами династии, можно увидеть во влиянии материнской традиции имянаречения.

Что касается противопоставления женщин своего и чужого рода, то личные имена отражают его довольно отчетливо. Имена дочерей и сестер выражают родство, встраиваясь в общую систему родового именослова, а имена жен и матерей, как правило, выбиваются из системы (исключения составляют случаи, когда жена происходит из родственной семьи или подвергается переименованию).

Переходя к материалу «Беовульфа», мы сталкиваемся с проблемой женской безымянности, упомянутой в связи с исследованием Вулфа. Так, неназванными остаются дочь Хальвдана, дочь Хереда, дочь Хигелака, жена Онгентеова, мать Гренделя, плакальщица на могиле Беовульфа и женщины-слуги. Кроме того, многие женщины в поэме не упоминаются прямо, но подразумеваются. Например, упоминание ожерелья Брисингов вводит в текст Фрею, а рассказ о Сигмунде и Фителе – Сигню.

В «Беовульфе» содержится лишь пять женских имен: Wealhþēow, Frēawaru, Hildeburh, Hygd, Þrȳd (Mōdþryð), только три из которых могут быть сопоставлены с именами кровных родственников их носительниц. Но даже и из этих немногих имен не все выражают родство. Так, в датской династии имена обеих женщин (Фреавару и ее тети[2]) не связаны аллитерацией с мужскими именами рода. Традиционно это объясняется тем, что обозначение Frēawaru является дополнительным

[1] Это, однако, не относится к памятникам древнесеверной литературы. Как пишет Е.А. Рыдзевская: «Генеалогиям жен и потомству дочерей действующих лиц в сагах уделено не меньше внимания, чем их собственным и их сыновей» [Рыдзевская 1937: 24].

[2] Хотя само имя дочери Хальвдана не известно, изучение метра позволяет установить, что оно должно начинаться с гласного звука.

Ил. 4. Хюгд

Ил. 5. Фреавару, дочь Хродгара

титулом, а «истинное» имя дочери Хродгара, которое можно восстановить по скандинавской традиции, было Хрут. Безымянная же женщина, которая долгое время считалась дочерью Хальвдана, вероятнее всего была его невесткой. Имя датской принцессы Хильдебург аллитерирует с именами ее отца Хока (Hōc) и брата Хнафа (Hnæf). Имя Хюгд тоже аллитерирует с именами ее отца Хереда (Hæreþ) и брата Херерика (Hereric). Более того, оно аллитерирует с именем ее мужа Хигелака (Hygelāc), как и с именами всех его родичей, что позволяет осторожно предположить, что Хигелак и его жена происходили из близкородственных семей. Если объединить это предположение с тем фактом, что Хигелак выдал свою дочь за соплеменника, можно выдвинуть гипотезу о том, что для гаутов (в отличие от датчан) вообще было характерно заключать браки внутри племени.

ПАТРОНИМИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Патронимические обозначения у германцев обычно образовывались от имени предка с помощью общегерманского суффикса -ing-/-ung-. Но, поскольку это суффикс существительных мужского рода, он вряд ли применим к женщинам, что подтверждается отсутствием примеров *суффиксальных патронимов* для дочери в английской и скандинавской традициях.

Скандинавы также использовали особые *композиты-патронимы*, состоящие из имени отца в родительном падеже и элемента ‘сын’ (для мужчин) или ‘дочь’ (для женщин). Однако в древнеанглийских текстах они не зафиксированы, и обозначение дочери по отцу встречается только в виде *аналитических патронимов* (модели ‘дочь X’). Например, в «Беовульфе» модель встречается 4 раза для обозначения Хильдебург (Hōces dōhtor), Хюгд (дважды; Hæreþes dōhtor) и Фреавару (dōhtor Hrōðgāres).

В древнеанглийских текстах также не зафиксированы *метронимические обозначения*, которые Е.А. Рыдзевская называет одним из пережитков матриархата и которые были достаточно распространены в Скандинавии (в памятниках древнесеверной литературы содержится более ста матронимов, в т. ч. обозначения богов Тора и Локи) [Рыдзевская 1937: 24]. В «Беовульфе» же наблюдается обратная ситуация, когда матери (причем всегда безымянные) идентифицируются по именам сыновей: мать Гренделя и мать Онелы и Охтхере (Onelan modor and Ōhtheres [Beo. 2932]).

ВЫВОДЫ

Подводя итог, отмечу, что в «Беовульфе» отражается патриархальная родовая структура, характерная для древних германцев и особенно усиленная в поэме регламентированностью наследственных отношений в королевских семьях, о которых идет речь. Патриархальный характер рода в «Беовульфе» выражается, в частности, в том, что женщины идентифицируются по мужчинам: отцам, мужьям, сыновьям.

Пережитки матриархата в поэме выражены не столь явно, как в памятниках древнесеверной литературы, что можно объяснить как отдаленностью англосаксов от первоначальной территории расселения германцев (Скандинавии) и взаимодействием с другими патриархальными культурами во времена их пребывания на континенте, так и обработкой германских преданий христианским переписчиком.

Женщина в «Беовульфе» предстает пряхой мира, которая плетет нить, соединяющую два рода. Для одного из этих родов она своя – по крови и по праву; для другого – чужая, но связанная клятвами с одним из его представителей. Двойственность родового статуса женщины особенно ярко выражена в ее отношениях с детьми: хотя она им своя по крови, в правовом отношении родство с ней для них второстепенно. Пример главного героя поэмы, который наследует материнскому роду, не является исключением: Беовульф, закономерно определяющийся чаще по отцу, чем по дяде со стороны матери, наследует последнему только после гибели его сына, на котором прерывается прямая гаутская династия.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Beowulf and the Fight at Finnsburg / Ed. by F. Klaeber. Boston [et al.]: D.C. Heath & Co., 1950. 412 p.

ЛИТЕРАТУРА

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. 1328 с.

Рыдзевская Е.А. О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы // Советская этнография. 1937. № 2–3. С. 15–44.

Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. М.: ЯСК, 2002. 455 с.

Loyn H.R. Kinship in Anglo-Saxon England // Anglo-Saxon England. 1974. Vol. 3. P. 197–209.

Woolf H.B. The Naming of Women in Old English Times // Modern Philology. 1938. Vol. 36, № 2. P. 113–20.

REFERENCES

Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. (1984) Indo-European and the Indo-Europeans. Tbilisi. Tbilisi University Press. 1328 p.

Loyn H.R. Kinship in Anglo-Saxon England. *Anglo-Saxon England*. 1974. Vol. 3, pp. 197–209.

Rydzevskaya E.A. On the Relics of Matriarchy among the Scandinavians according to Old Norse Literature. *Sovetskaya Ethnographia*. 1937. No 2–3, pp. 15–44.

Uspensky F.B. (2002) Scandinavians. Varangians. Rus. Moscow. LSC Publ. 455 p.

Woolf H.B. The Naming of Women in Old English Times. *Modern Philology*. 1938. Vol. 36, No 2, pp. 113–20.

Сведения об авторе:

София Сергеевна Любимова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sofia S. Liubimova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ssl008@yandex.ru